

пропонованого о. П. Флоренським, і екстраполяції цього концепту на гуманітарну сферу, зокрема, застосовуючи до текстів, ми можемо визначити текстовий простір-час саме як більш, ніж трьохмірний.

2. Простір тексту - мнимий, як і простір культури в цілому. Текст перетворює, з'єднує події, процеси, «вигортає» дійсність, наповнюючи її завжди новими значеннями. Онтологія тексту, його буття не можуть бути реалізовані у евклідовому просторі. Применшення значення самої дійсності та перебільшення значення окремих деталей тексту позбавляють його руху, а значить і повноти буття.

3. Реальність сну символічна, мнима, а час сновидіння є «онтологічним дзеркалом» дійсного

світу. Сприймаючи сон як текстову реальність, ми можемо застосувати і до тексту характеристики сновидіння. Текст є, за висловом П. Флоренського, «оплотненное сновидение». Так само, як реальність і сновидіння ми розрізняємо, перш за все, за ознакою часу і описуємо, виходячи з хронотопних характеристик, так і текст, і, перш за все, онтологія тексту, можуть бути сприйняті завдяки часу і простору, в яких розгортаються текстові смисли.

4. Домінування часових характеристик сну над просторовими дозволяє нам визначити сон як «коли-текст», і значення сну, а отже, і онтологія сну, можуть бути досягнуті за допомогою розуміння специфіки його часових характеристик.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Бахтин. М.М. Формы времени и хронотопа в романе. // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. Лит., 1986. – С. 121-290.
2. Минковский Г. Пространство и время // Успехи физических наук. Т. LXIX, вып. 2. 1959г. – С. 303-320.
3. Розин Вадим. Семиотические исследования. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – 256 с.
4. Флоренский П.А. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 79–421.
5. Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. – СПб.: Русская книга, 1993. – 365 с.
6. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. – М.: Лазурь, 1991. – 96 с.

С.Ш. АЙТОВ

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И СЕМИОТИКИ 1960-х – 1980-х гг.

Айтов Спартак Шалвович – доцент кафедры философии и социологии Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, кандидат исторических наук

Проблема данной работы состоит в изучении концепций социально-гуманитарных наук, анализирующих сущностные ментальные, социально-психологические и социально-культурные факторы развития обществ прошлого и, в определенной степени, социумов современности.

Цель работы заключается в анализе историко-антропологически ориентированных культурологических и семиотических исследований 1960-х – 1980-х гг., периода интенсивного и плодотворного развития различных направлений социально-гуманитарного познания. Многоаспектные изыскания и реконструкции бытования и эволюции «человека во времени» - когнитивного идеала исторической антропологии, культурологии и семиотики проанализированы в работах современных исследователей. Так, В.В. Иванов рассмотрел

культурологические и семиотические концепции О.М. Фрейденберг, видного историка культуры, в их корреляции с социологией (реконструкцией социальных практик) [7, 87-89].

Тему научного взаимодействия культурологии, социологии, социальной психологии и семиотики затронул также О.С. Воскобойников – в части оценки влияния на средневековый социум паранаучных традиций и знаний [4, 83-85]. Вместе с тем, указанная проблематика, по существу, пребывает в начальной фазе исследования.

Для анализа историко-антропологических подходов в культурологии и семиотике важное значение имеют категории естественного и искусственного языка. Понятие естественного языка является одним из основных в культурологии и семиотике. Как указывает А.А. Ветров, понятие

естественного языка является центральным понятием науки о знаках. Отличительной чертой языкового знака он считает то, что последний производится человеком и служит для общения отдельных индивидуумов [3, 73]. А.Ф. Лосев отмечает активность языкового знака, языкового обозначения. По его мнению, все слова имеют значение в том простом смысле, что они являются символами, обозначающими нечто иное, чем они сами [4, 74]. Называя вещь, присваивая ей имя, человек делает ее предметом мысли. Посредством именованная вещь оказывается включенной в сферу теоретизирования. Она превращается в элемент умственной деятельности [1, 75]. Ряд исследователей указали на взаимодействие естественного языка и содержания человеческого мышления. Э. Кассирер писал о неразрывности интуитивного видения мира и естественного языка [16, 64]. Одним из принципов постструктурализма является принцип логоцентризма, согласно которому, тип мышления обуславливает структуру и функцию разговорного языка [5, 208].

А.А. Ветров определяет естественный язык как совокупность языковых смысловых единиц, то есть совокупность предметов, которые обладают смысловым значением и которые производятся самыми организованными системами [3, 78-79]. Естественный язык не только связан с мышлением, но и определенным образом влияет на формирование у человека представлений о мире. А.Ф. Лосев указывает, что при условии реального существования обозначаемого предмета язык часто привносит с собой нечто небывалое [9, 2] – новое в восприятии действительности. Исследователь подчеркивает, что языковое обозначение исходит не просто из отражения действительности, но и из коммуникативного использования действительности и, следовательно, из того или иного ее переделывания [9, 13]. Принцип лингвистической дополнительной допускает дополнительное «видение» мира через «языковые представления», которые возникают в силу специфических особенностей (естественных) языков. По мнению Р.Г. Алояна, эта концепция признает обусловленность мышления языком. Принцип лингвистической дополнительной основывается на представлении о дополнительной роли языковых факторов в образовании познавательной картины мира, наличии различных (этнических) «видений» мира, определяемых семантическими свойствами (естественных) языков [1, 81].

А.Ф. Лосев высказывается о воздействии языка на мысль и «видение» мира еще более определенно. По его мнению, семантический акт является не просто воспроизведением предметов в уме человека – но еще и конструирует то или иное их понимание [9, 15]. Обозначив творческую роль языка в восприятии человеком действительности, исследователь указывает и на феномен воздействия языка на саму действительность. Всякое строительство жизни при помощи языка он

называет «конструктивно-техническим» (ментальным) актом [9, 26].

Э. Кассирер подчеркивает роль языка в «конструировании мира объектов» (то есть мира действительности), в формировании картины мира в обыденном сознании. В.П. Медведев указывает на популярность темы «влияние естественного языка на формирование представлений о мире, «картины мира» у западных ученых. В качестве примера он приводит принцип лингвистической относительности американских ученых Э. Сепира-Б. Уорфа [16, 63].

Б. Уорф считает, что европейские языки «навязывают» говорящим представления о мире как о наборе отдельных предметов и событий [16, 63]. Общие представления Кассирера, Сепира и Уорфа состоят в том, что дифференциация мира (в человеческом сознании) – на вещи, свойства и отношения – это продукт воздействия языка на человеческое мышление [15, 14].

Суммируя концепции указанных выше ученых о языке, можно сказать, что, по их мнению, естественный язык оказывает воздействие на мир реальный, мир социальной реальности посредством воздействия на формирование у человека – и у социума в целом – определенной картины мира, «видения» мира, в соответствии с которым человек строит свое общественное и частное поведение, а социум функционирует. Язык также оказывает влияние на образование в социуме системы морально-этических ценностей.

Ю.М. Лотман определяет язык как структурное «штампующее» устройство. Именно он снабжает членов коллектива интуитивным чувством структурности, именно он своей системностью, своим преобразованием «открытого» мира реальных в «закрытый» мир имен заставляет людей трактовать как структуры явления такого порядка, структурность которых не является очевидной. Языковая структура отвлекается от (собственно) языкового материала, получает самостоятельность и переносится на все возрастающий круг явлений, которые начинают в системе человеческих коммуникаций вести себя как языки и, тем самым, становятся элементами культуры [15, 165]. В теоретических построениях Ю.М. Лотмана понятия «естественный язык» и «культура-в-целом» тесно связаны между собой. Исследователь указывает, что в реально-историческом функционировании языка и культура неотделимы. Невозможно существование «естественного языка», <...> который не был бы погружен в среду исторических традиций и ментальности в контекст культуры и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка [15, 146]. В свою очередь, основная работа культуры заключается в структурной организации окружающего человека мира. Культура-генератор структурности, и этим она создает вокруг человека социальную сферу, которая <...> делает возможной общественную жизнь [15, 146]. Ю.М. Лотман считает

также, что отдельные искусства построены по типу (естественных) языков [14, 16]. Из сопоставления представлений о сущности естественного языка и его влияния на действительность, можно сделать вывод о близости теоретических позиций Ю.М. Лотмана и А.Ф. Лосева, Э. Э. Кассирера, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Ветрова, А.Г. Алояна.

Подобно названным ученым тартуский исследователь разделяет положение о воздействии естественного языка на реальность. Однако вместо «двухчастной» системы: язык-действительность, Ю.М. Лотман предлагает «трехчастную»: язык-культура-действительность. Культура в этой формуле является опосредующим звеном. По Ю.М. Лотману, естественный язык способствует возникновению и развитию культуры, а последняя оказывает значительное влияние на социально-политические реалии, бытовое и общественное поведение членов социума. Можно сказать, что влияние языка на действительность опосредовано и многократно усилено сферой духовной культуры, стереотипами «видения» и восприятия мира.

Наряду с понятием естественного языка заметную роль в ориентированных на изучение мира человека прошлого культурологии и семиотике играет понятие искусственного языка, то есть такой информационной и коммуникационной знаковой системы, в которой исходными смысловыми элементами являются элементы динамичных культурных феноменов, в частности, мифологические герои и сюжеты – в мифологии, ритуалы и заклинания; в магизме последовательность и сущность церемониала в системе придворного этикета и т.д. Исследование искусственных языков тесно связано со структуральным методом, прежде всего изучающим значение, семантику литературы, фольклора, мифа [10, 483]. Исследуя явление карнавалов европейского Средневековья, М.М. Бахтин пришел к выводу, что данный феномен культуры выработал целый язык символических, конкретно-чувственных форм: от больших и сложных массовых действий до отдельных карнавальных жестов <...>. Язык этот невозможно перевести полно и адекватно на язык отвлеченных понятий, но он поддается известному транспонированию на родственный ему по конкретно-чувственному характеру язык литературы [6, 8]. Сделав это открытие, М.М. Бахтин, по мнению В.В. Иванова, предвосхитил широко используемое в современной семиотике разграничение естественного языка и надъязыковых (вторичных моделирующих) систем знаков [6, 9], которые вполне отождествимы с искусственными языками. А.Ф. Лосев много занимался исследованиями искусственного языка античной мифологии, которая разработана у ученого в обширной серии экскурсов самого различного содержания: мифологичность костюма, поведенческих стереотипов (жестов, манер, походки), <...> деталей религиозного обряда, <...> идеологических штампов, и т.д. [19, 136].

С.С. Хоружий назвал исследования А.Ф. Лосева

теоретическим осмыслением мифов <...> в русле семиотики [19, 136-137]. По его мнению в экскурсах исследователя можно увидеть немало общего с семиотикой. Под мифологией А.Ф. Лосев понимал, как считает Хоружий, именно семиотику [19, 136-137]. Пионером применения семиотических методов в этнографии был советский фольклорист П.Г. Богатырев, чьи исследования датский лингвист и семиолог Л. Ельмслев охарактеризовал как «серьезные попытки начать изучение других знаковых (но не естественно-языковых) систем, а именно народных обычаев на более широкой семиологической основе». Богатырев использовал опыт структурной лингвистики и структурной поэтики для изучения неязыковых знаковых систем. Например, исследования одежды как знака и изучение конкретного многообразия таких систем на богатом этнографическом материале [6, 74].

В качестве примеров искусственного языка А.А.Ветров указывает на такие элементы повседневной жизни, как язык одежды, манеры жестов, которые также, в известном смысле, служат для коммуникаций [3, 74]. Языковые знаки таких структур А.А.Ветров называет интенциональными, поскольку их целью являются намерения с сознательной целью сообщить нечто другому человеку [3, 74]. Р. Барт достаточно подробно описал структуру языка одежды. По мнению ученого, данный язык, язык бытового и социального значимого поведения составляют следующие компоненты:

1. Совокупность оппозиций, в которых находятся части «деталей» туалета и вариации которых влекут за собой смысловые изменения.
2. Правила, в соответствии с которыми отдельные детали одежды могут сочетаться между собой. В качестве другого примера Барт приводит структуру языка пищи. Он полагает, что данный язык состоит из четырех компонентов:
 1. Правила ограничений (пищевые табу).
 2. Совокупность значащих оппозиций, в которых находятся признаки типа: соленый - сладкий.
 3. Правила сочетаемости блюд.
 4. Привычные способы приема пищи [2, 78].

Как считает И.Розовская, символические языки, семиотические системы, действовавшие и действующие в обществе, исторически обусловлены и потому их исследования и реконструкция много могут сообщить об определенной исторической эпохе [18, 135].

Достаточно значительное место в творчестве Ю.М. Лотмана занимала проблема объяснения социокультурных феноменов и процессов в России XVIII - первой половины XIX в посредством анализа «символических языков» и «семиотических систем» (воплотивших особенности восприятия и социально-значимого поведения) данной исторической эпохи. Это позволило ему прийти к целому ряду оригинальных культурологических и историко-антропологических выводов. Так, по

мнению исследователя, деятельность Петра I в России в большой степени являлась борьбой со старинными ритуалами и символами, которая на деле выразилась в создании новых знаков (отсутствие бороды стало столь же обязательным, как и ее ношение-раньше и др.) [15, 145].

Деятельность Павла I заключается, по Ю.М. Лотману в резком усилении знаковости уже имеющихся форм, повышении их символического характера-генеалогическая символика, символика парадов, церемониала и др. [15, 71].

Регулярное государство Петра I осознавало себя как систему указов, нормативов и правил, которые, подобно мифологии, фольклору, одежде, пище являются своего рода искусственными языками и порождены ментальными и социокультурными особенностями российского общества. Указы о взятках в России XVIII века издавались, как считает Ю.М. Лотман, не ради реального эффекта, а ради самих себя как знаков. Система государственных установлений существовала параллельно с системой обычаев, т.е. жизни вне ранга. Культуру жизни согласно «обычаю» - а не в соответствии с предписаниями «регулярного государства», Ю.М. Лотман называет культурой текстов, а официальную-культурой грамматик. Различие этих двух культур приводило, по его мнению, к тому, что вводимые «сверху» (государством) в систему культуры текстов грамматик (указы, и т.д.) функционировали в первой на правах текстов, а

закон употреблялся как обычай. Следовательно, «Регламенты» не преобразовывали общество, а растворялись в обычаях. В частности, систему обычаев образовывали награды, внешний вид знаков отличия, правила их ношения [12, 171]. Семейные и родственные связи составляли в жизни русского дворянства XVIII - начала XIX вв. вполне реальную форму общественной организации, которая открывала возможность обойти систему государственных установлений и предписаний, «Табель о рангах» [13, 127]. В качестве семиотической системы искусственного языка Ю.М. Лотман рассматривал и бытовое поведение [11, 65] представителей «культурного слоя» России XVIII - первой половины XIX вв. Для русского XVIII века исключительно характерно то, что дворянский мир ведет жизнь-игру, ощущая себя как бы на сцене <...> [11, 68]. Переезжая из Санкт-Петербурга Москву, из Подмосковного имения в Москву или Петербург, из России в Европу - дворяне, чаще всего бессознательно, но всегда безошибочно, изменяли стиль своего поведения. Процессами «стилеобразования» <...> определялась разница в стилях поведения служащего и отставного, военного и штатского, столичного и нестоличного дворянина. Манеры разговора, походка, одежда безошибочно указывали, какое место в стилевом полифонизме каждодневного быта занимает данный человек [11, 71]. Стили

бытового поведения русского дворянства (и адекватных ему систем представлений о мире) данного периода времени образуют, по Ю.М. Лотману, своеобразный искусственный язык, в которой смысловыми единицами выступают стили поведения, сюжеты поведения, становящиеся со временем, стереотипами ориентации в социальном пространстве, «видения» мира различных сообществ определенного социума (в данном случае - русского дворянства XVIII - первой половины XIX вв.). Наличие в сознании социума или отдельной его части некоторой суммы (таких) сюжетов позволяет кодировать реальное поведение, относя его к значимому или незначимому и приписывая ему то одно, то другое значение. В этих условиях низшие единицы знакового поведения: жест и поступок получают свою семантику и стилистику не изолированно, а в отнесенности к категории более высокого уровня: сюжету, стилю и жанру поведения [11, 77].

Ю.М. Лотман не формулирует определения и признаков искусственного языка. Однако, подобно М.М. Бахтину, А.Ф. Лосеву, П.Г. Богатыреву, Р. Барту, он обособил этот феномен на материале собственных исследований - российской дворянской культуры XVIII - первой половины XIX вв. - в отличие от искусственных языков карнавалов, античной мифологии, фольклора, одежды и пищи. Отличием можно считать и то обстоятельство, что Ю.М. Лотман не только установил факт существования искусственных языков в России в указанное выше время: языки «регулярной» и «нерегулярной» культур, бытового поведения русского дворянства, представленных как сложные системы, с низшими - жест, поступок - и высшими - стиль, сюжет поведения - иерархическими уровнями, но и предложил свое объяснение социокультурных процессов в «императорской» России (в частности, причины непримиримости Петра I в борьбе с традициями и неудач кампании против взяточничества). Иными словами, Ю.М. Лотман сделал шаг от констатации существования искусственных языков к практическому применению этого феномена для объяснения социопсихологических и социокультурных процессов.

Таким образом, можно прийти к выводу о научной эффективности и значимости когнитивного диалога исторической антропологии, представленной методологией и идеалом изучения «человека во времени», культурологии и семиотики. Эта интеллектуальная система позволяет анализировать глубинные причины и механизмы и мотивацию развития людей, социальных групп и социумов прошлого и настоящего, создает основу для интеграции антропологических научных ценностей в пространстве социально-гуманитарных наук и углубления анализа как универсума общественно-гуманитарного познания, так и социально-культурной реальности. Последние факторы сообщают исследованиям указанной проблематики научную и социальную перспективу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алоян Р.Г. Значение в языке. Философский анализ. М., 1985
2. Барт Р. Основы семиологии /Структурализм: «за и против». - М., 1975
3. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. - М., 1968
4. Воскобойников О.С. О языке средневековой астрономии (О применении риторических понятий в истории культуры) /Одиссей – М.: Наука, 2007
5. Галинская И.Л. Постструктурализм в современной философско-эстетической мысли / Зарубежное литературоведение 1970-х годов: направления, тенденции, проблемы. - М., 1989
6. Иванов В.В. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики /Труды по знаковым системам. – Т.VI – Тарту, 1973
7. Иванов В.В. Семиотика культуры среди наук о человеке в XXI столетии /Одиссей. – М., 2000
8. Касавин И.Т. [Выступление]. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (круглый стол) //Вопросы философии – 2007-. №6.
9. Лосев А.Ф. Язык как орудие общения в ленинской теории отражения //Лосев А.Ф. Знак.Символ.Миф. – М., 1982
10. Лотман Ю.М. О.М. Фрейденобург как исследователь культуры / Труды по знаковым системам. . – Т.VI – Тарту, 1973
11. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века /Труды по знаковым системам. – Т.VIII – Тарту, 1976
12. Лотман Ю.М. Проблема «обучения» культуре как ее типологическая необходимость /Труды по знаковым системам. – Т.V – Тарту, 1972
13. Лотман Ю.М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Труды по знаковым системам – Т.VII – Тарту, 1975
14. Лотман Ю.М. Структура художественного текста – М., 1970
15. Лотман Ю.М. Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры /Труды по знаковым системам – Т.V – Тарту, 1972
16. Медведев В.П. Философия языка Э.К. Кассирера //Философские науки. – 1988-. №3
17. Микешина Л.А. [Выступление]. [Круглый стол по обсуждению книги В.С. Степина «Теоретическое знание»] // Вопросы философии. – 2001-. №1
18. Розовская И.И. Проблема социально-исторической психологии за рубежом // Вопросы философии – 1972- №7.
19. Хоружий С.С. Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева // Вопросы философии – 1992- №10.

Т.И.ВЛАСОВА

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПОСТМОДЕРНЕ

Власова Татьяна Ивановна - заведующая кафедрой «Филология и перевод» Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика В.Лазаряна, доцент, кандидат филологических наук

Исследователи утверждают, что перспектива постмодерна начинается с децентрализующего восприятия, с принятия периферийной перспективы в качестве наилучшей. Существует мнение, что современная ситуация является самой революционной за всю историю развития западного мира, а может быть и всего человечества. Идиомы и образы, ассоциируемые с постмодернизмом, - это не просто вопросы стиля, модных клише или моделей интеллектуального поведения; ученые пишут об изменениях в поведении и о том, что означает выйти за пределы гибкой идентичности; они прямо говорят об измененных и изменяющихся субъективностях [1]. При этом указывается, что нормализация изменений выступает в качестве одного из главных аспектов постмодерна. Изменения происходят в предметах, окружающих

нашу жизнь, во взаимоотношениях, в опыте, и, как результат, всеобъемлющие изменения происходят по всей траектории жизни индивидов, которые во все большем и большем количестве переходят из одних социальных и физических локаций в совершенно другие. Даже индивиды, которые не меняют своей локации, видят, что наиболее значительные, хотя и самые обычные аспекты их жизни, подвергаются постоянной ревизии, если не трансформации. Указывается, что следующим критический аспект постмодернизма, оказавший решающее влияние на проблему гендерного дисплея, это множественность и сегрегация ролей, накладываемых на индивида. Как результат, - длительная стандартизация или очевидная униформность социальной жизни затушевывает возникающий критический плю-